

DOI 10.35775/PSI.2026.131.2.016

УДК 339.5

Е.В. ШКУРАТОВА

аспирант, Дипломатическая академия

МИД РФ, Россия, г. Москва

E-mail: lena_rjah@mail.ru

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ США–КНР КАК ФАКТОР ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕОГРАФИИ ВЭД РОССИИ: ОЦЕНКА СТРАНОВЫХ РИСКОВ И МЕРЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА

Американо-китайское торговое противостояние сформировало новую архитектуру мировых торговых потоков, оказав существенное влияние на внешнеэкономическую деятельность третьих стран. В статье анализируются изменения географической структуры российского экспорта и импорта в период 2022-2025 годов на основе официальных данных ФТС России. Выявлены ключевые страновые риски, связанные с концентрацией торговых операций на азиатском направлении, предложены управленческие решения для минимизации уязвимости российских участников ВЭД в условиях продолжающейся геоэкономической фрагментации глобальной экономики.

Ключевые слова: торговые войны США-КНР, геоэкономическая фрагментация, внешняя торговля России, страновые риски, риск-менеджмент ВЭД, декуплинг, товарная структура экспорта.

Введение. Тарифно-санкционное противостояние между США и КНР, стартовавшее в 2018 году, эволюционировало из двустороннего торгового конфликта в системный фактор трансформации глобальных экономических связей. Введение взаимных пошлин на сотни товарных позиций, технологические санкции и требования декуплинга критических цепочек поставок привели к фрагментации мирового экономического пространства на конкурирующие блоки. Параллельно с эскалацией американо-китайского конфликта Россия столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением, что вызвало кардинальную перестройку географии и структуры внешней торговли. Целью настоящего исследования выступает количественная оценка трансформации российской ВЭД в 2022-2025 годах, выявление страновых рисков концентрации и разработка рекомендаций по управлению рисками в условиях фрагментированной глобальной экономики.

Концепция геоэкономической фрагментации описывает процесс распада единого глобального рынка на относительно изолированные региональные и идеологические блоки, где действуют преференциальные условия для «своих» и барьеры для «чужих». Американо-китайские торговые войны выступают ключевым катализатором данного процесса, создавая прецеденты масштабного

применения протекционистских мер развитыми экономиками. Взаимное повышение импортных пошлин охватило товары на сумму свыше 500 млрд долларов, экспортный контроль распространился на полупроводники, телекоммуникационное оборудование и биотехнологии, а политическое давление на корпорации привело к перестройке производственных цепочек [4. С. 7-27].

Фрагментация генерирует три категории угроз для третьих стран. Первая – страновая концентрация: смещение торговых потоков к ограниченному кругу партнеров усиливает зависимость от экономической конъюнктуры и политических решений данных государств. Вторая – операционные вызовы, обусловленные необходимостью перестройки логистических маршрутов, соблюдения противоречивых режимов комплаенса, адаптации к новым валютным механизмам расчетов. Третья – стратегическая уязвимость при угрозе попадания под экстерриториальные ограничения за торговлю с одним из конфликтующих блоков [1. С. 60-69].

Для России торговые войны США–КНР создали двойственную ситуацию. Перераспределение мировых потоков открыло возможности для наращивания экспорта энергоносителей и металлов в Азию, замещения европейских поставок китайскими товарами, укрепления позиций на рынках Глобального Юга. Одновременно резкое сокращение торговли с Европой и концентрация на узком круге азиатских партнеров повысили уязвимость российской ВЭД к конъюнктурным шокам и политическим рискам [8. С. 7-22].

Анализ официальной статистики ФТС России демонстрирует беспрецедентную по скорости и масштабам трансформацию географической структуры экспорта. За период 2022-2024 годов произошло кардинальное перераспределение торговых потоков между макрорегионами, что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Динамика российского экспорта по группам стран в 2022-2024 гг.

Регион	2022 г., млрд долл.	Доля, %	2023 г., млрд долл.	Доля, %	2024 г., млрд долл.	Доля, %	Изменение 2024/2022, %
Европа	265,6	44,8	84,9	20,0	68,4	15,8	-74,2
Азия	290,4	49,0	306,6	72,1	329,2	75,9	+13,4
Африка	14,8	2,5	21,2	5,0	24,3	5,6	+64,2
Америка	20,5	3,5	12,2	2,9	11,9	2,7	-42,1

Источник: составлено автором на основе данных ФТС России.

Структура внешнеторгового оборота приобрела характер критической концентрации: к 2024 году три четверти российского экспорта направлялось в азиатские страны, преимущественно в Китай, Индию и Турцию. Доля европейского

направления сократилась более чем втрое, что отражает не только санкционное давление, но и перестройку глобальных цепочек поставок под влиянием американо-китайских торговых ограничений.

В структуре импорта зафиксированы аналогичные сдвиги, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Динамика российского импорта по группам стран в 2022–2024 гг.

Регион	2022 г.,		2023 г.,		2024 г.,		Изменение 2024/2022, %
	млрд долл.	Доля, %	млрд долл.	Доля, %	млрд долл.	Доля, %	
Европа	89,5	35,1	78,5	27,5	73,1	25,8	-18,3
Азия	145,2	56,9	187,5	65,8	191,2	67,6	+31,7
Африка	3,1	1,2	3,4	1,2	3,5	1,2	+12,9
Америка	16,8	6,6	15,0	5,3	14,8	5,2	-11,9

Источник: составлено автором на основе данных ФТС России.

Доля Азии в российском импорте достигла 67,6% в 2024 году против 56,9% в 2022 году. Эти изменения создают новую географию зависимости, формируя страновые риски концентрации на ограниченном круге поставщиков критически важных товаров.

Операционные данные за январь–октябрь 2025 года демонстрируют некоторое снижение интенсивности роста азиатского направления, что отражено в таблице 3.

Таблица 3. Динамика экспорта и импорта России по регионам, январь–октябрь 2024 и 2025 гг., млрд долл.

Регион	Экспорт	Экспорт	Изменение, %	Импорт	Импорт	Изменение, %
	янв-окт 2024	янв-окт 2025		янв-окт 2024	янв-окт 2025	
Азия	268,2	263,9	-1,6	153,8	149,4	-2,9
Европа	56,1	47,8	-14,9	60,8	58,1	-4,4

Источник: составлено автором на основе данных ФТС России.

Данные свидетельствуют о стабилизации новой географической конфигурации, но не об изменении тренда критической концентрации на азиатском направлении. Детализация по товарным группам выявляет неравномерность

процессов адаптации российской ВЭД к новым условиям, что представлено в таблице 4.

Таблица 4. Динамика экспорта России. по ключевым товарным группам, млрд долл.

Товарная группа (ТН ВЭД)	2022	2023	2024	Янв-окт 2024	Янв-окт 2025	Изменение 2024/2022, %
25-27 Минеральные продукты	391,6	260,1	264,1	218,9	186,6	-32,6
71-83 Металлы и изделия	70,7	60,0	63,7	50,7	60,4	-9,9
68-70, 84-97 Машины, оборудование	30,8	22,9	23,4	н/д	н/д	-24,0
01-24 Продовольствие и с/х сырье	41,3	43,1	42,6	35,1	31,5	+3,1

Источник: составлено автором на основе данных ФТС России.

Экспорт минеральных продуктов, традиционно составляющий основу российского вывоза, продолжает демонстрировать негативную динамику: снижение на 14,7% за январь–октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Напротив, экспорт металлов показал рост на 19,3%, что свидетельствует о наличии устойчивого спроса на азиатских рынках, особенно со стороны Китая и Индии.

Особую тревогу вызывает динамика импорта, отраженная в таблице 5.

Таблица 5. Динамика импорта России по ключевым товарным группам, млрд долл.

Товарная группа (ТН ВЭД)	2022	2023	2024	Янв-окт 2024	Янв-окт 2025	Изменение 2024/2022, %
68-70, 84-97 Машины, оборудование	117,5	145,8	147,1	118,4	108,1	+25,2
28-40 Химия и каучук	57,1	55,7	53,5	43,7	44,8	-6,3
01-24 Продовольствие	35,8	35,1	37,7	30,6	35,0	+5,3

Источник: составлено автором на основе данных ФТС России.

Рост импорта машин и оборудования на 25,2% за период 2022-2024 годов отражает переориентацию закупок с европейских на азиатские рынки и формирование

новой технологической зависимости. Импорт химической продукции демонстрирует относительную стабильность с небольшим приростом в 2,6% за январь-октябрь 2025 года, что указывает на успешность частичного импортозамещения в данном сегменте.

Радикальное смещение географии торговли в сторону Азии генерирует системный риск концентрации, который приобретает три измерения. Первое – риск монополярной зависимости от ограниченного круга покупателей и поставщиков. К 2024 году на азиатские страны приходилось 75,9% российского экспорта, причем внутри этого направления доминируют Китай, Индия и Турция. Подобная степень концентрации создает уязвимость к ценовым колебаниям, изменениям торговой политики стран-импортеров, конъюнктурным шокам на региональных рынках [3. С. 30-53].

Второе – технологическая зависимость от азиатского импорта. Доля Азии в российском импорте достигла 67,6% в 2024 году, причем критически важные категории – машины, электроника, компоненты, технологическое оборудование – закупаются преимущественно в Китае. Это формирует риск вторичных санкций: компании из третьих стран могут отказаться от поставок в Россию под давлением США, опасаясь потери доступа к американскому рынку, финансовой инфраструктуре или технологиям. Опыт применения экстерриториальных санкций показывает, что такие риски не являются гипотетическими [2. С. 60-73].

Третье – риск политической конъюнктуры. Односторонние изменения таможенных режимов, внезапное введение экспортных ограничений или лицензирование поставок со стороны ключевых азиатских партнеров способны парализовать значительную часть российского импорта. Опыт торговых войн США-КНР демонстрирует, что ретортные меры могут вводиться в считанные дни, не оставляя времени для диверсификации источников поставок. Периодические инциденты с задержками на пограничных переходах, временные ограничения на транзит отдельных товарных категорий в 2023-2024 годах подтверждают актуальность этого риска [5. С. 44-57].

Фрагментация мировой торговли усложняет операционную деятельность российских компаний-экспортеров и импортеров по нескольким направлениям. Усиливается комплаенс-нагрузка: необходимость одновременного соблюдения требований различных юрисдикций, мониторинга санкционных списков множества стран, отслеживания изменений в экспортном контроле, что увеличивает дополнительные издержки и правовые риски. Для снижения уязвимости целесообразно внедрять комплаенс-контроль, включая автоматизированную проверку контрагентов, обучать персонал процедурам должной осмотрительности и при необходимости привлекать профильных юристов и консультантов.

Валютная волатильность формирует финансовые риски на фоне расширения расчетов в альтернативных валютах и снижения доступности привычной финансовой инфраструктуры. Компании сталкиваются с курсовыми разницеми, ограниченными возможностями хеджирования и риском «замораживания» выручки, что снижает финансовую гибкость. В качестве мер применимы диверсификация валют расчетов, использование хеджирующих инструментов и включение защитных оговорок в контракты.

Логистические риски усилились вследствие концентрации на восточных транспортных коридорах и роста транзитной уязвимости. Ограничения на транзит, дефицит провозных мощностей и сбои на пограничных переходах способны нарушать цепочки поставок и увеличивать издержки. Снижение риска обеспечивается диверсификацией маршрутов и перевозчиков, созданием резервов критической продукции и выстраиванием более устойчивых схем взаимодействия с логистическими операторами.

Минимизация страновых рисков концентрации требует диверсификации на нескольких уровнях. Географическая предполагает выход на рынки Глобального Юга и системную работу по продвижению и адаптации продукции под требования локальных рынков. Товарная и контрагентская означает рост доли продукции с высокой добавленной стоимостью и расширение круга покупателей и поставщиков, чтобы избегать критической зависимости от ограниченного числа партнеров.

Управление валютными рисками предполагает диверсификацию валют расчетов, использование инструментов хеджирования и включение защитных оговорок в контракты. Эффективны смешанные схемы расчетов, когда платеж осуществляется в нескольких валютах, что снижает концентрацию риска. Механизмы взаимозачетов и расчетов в национальных валютах позволяют обойти ограничения традиционной финансовой инфраструктуры [7. С. 137-148].

Управление логистическими рисками включает диверсификацию транспортных маршрутов, создание резервных запасов критической продукции и выстраивание долгосрочных отношений с перевозчиками. Развитие коридора «Север-Юг», укрепление железнодорожного сообщения с Китаем и использование альтернативных морских маршрутов снижают зависимость от отдельных направлений. Цифровизация логистики и системы отслеживания грузов повышают предсказуемость поставок [6. С. 168-179].

Выводы. Проведенное исследование подтверждает, что американо-китайское торговое противостояние катализирует трансформацию российской ВЭД через механизм геоэкономической фрагментации. Выявлена концентрация торговых потоков на азиатском направлении при обвале европейского вектора, формирующая новую модель страновых рисков. Анализ товарной структуры отразил углубление технологической зависимости от азиатского импорта при сокращении экспортного потенциала высокотехнологичных групп. Минимизация рисков требует комплексной диверсификации: географической экспансии на рынки Глобального Юга, переориентации на продукцию с высокой добавленной стоимостью, создания резервных логистических коридоров и альтернативных валютных механизмов расчетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аллаярова Л.** Геоэкономическое соперничество США и КНР в эпоху декуплинга: технологические санкции, цепочки поставок и глобальная трансформация торговли // *Current Approaches and New Research in Modern Sciences*. 2025. № 4 (7).

2. Кислицын С.В., Гужева А.А. Транснациональный бизнес в условиях геоэкономической фрагментации // *Общественные науки и современность*. 2024. № 1.
3. Кнобель А.Ю., Пономарева О.В., Седалищев В.В. Торговая война США и Китая и ее последствия для мировой экономики. *Экономическая политика*. 2024. № 19 (5).
4. Кузьмин В.А., Портанский А.П. США – Китай: фактор экономической безопасности усиливает геоэкономическую фрагментацию // *Вестник международных организаций*. 2025. Т. 20. № 1.
5. Цветкова Н.Н. Фрагментация мировой экономики и афро-азиатские страны // *Журнал «Восток (Oriens)»*. 2024. № 5.
6. Чжоу С. Геополитические и экономические последствия торговой войны между Китаем и США: трансформация международной системы и перераспределение глобальной власти // *Конфликтология / nota bene*. 2025. № 2.
7. Шумилов М.М., Гуркин А.Б. Кризис экономической глобализации как фактор становления многополярного мира. *Управленческое консультирование*. 2025. № 4.
8. Яковлев П.П. Новая география внешней торговли России: тенденции, проблемы, перспективы // *Перспективы*. Электронный журнал. 2024. № 3 (38).

E.V. SHKURATOVA

Postgraduate, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, Moscow, Russia

US-CHINA TRADE WARS AS A FACTOR IN THE REDISTRIBUTION OF RUSSIA'S FOREIGN TRADE GEOGRAPHY: ASSESSMENT OF COUNTRY RISKS AND RISK MANAGEMENT MEASURES

The US-China trade standoff has shaped a new architecture of world trade flows, significantly influencing third countries' external economic activities. The article analyzes changes in the geographical structure of Russian exports and imports in the period 2022-2025 based on official data of FCS Russia. The key country risks associated with the concentration of trade operations in the Asian direction were identified, and management solutions were proposed to minimize the vulnerability of Russian FEA participants in the context of the continuing geo-economic fragmentation of the global economy.

Key words: US-PRC trade wars, geo-economic fragmentation, Russia's foreign trade, country risks, risk management of foreign trade, decoupling, commodity export structure.